

Эйшель Антонов

г. Архангельск

Покаяние

(Продолжение. Начало в № 10)

Часть 2

***

Подошла бабушка.

– Добрый день, Арина Николаевна!

Арину назвали в честь бабушки, так было принято в семье Чирковых. Имена и фамилии были одинаковые, только отчества разные.

– Здравствуйте, Михаил Александрович! Фу-у-у. Упарилась вся. Жарко сегодня.

– Да, погода отличная, ветра нет, солнышко светит, что ещё нужно для отдыха. Вы, как обычно, на три недели?

– Да, я несколько старомодна. Не люблю менять свои привычки. Арине нужно порезвиться на свежем воздухе. Получить заряд бодрости на учебный год.

– Конечно, воздух здесь чистый. Вода освежающая, прозрачная. С точки зрения экологии всё идеально. А природа-то какая изумительная! Глаз радуется. Правда, Ариша?

Арина всё это время стояла, прижавшись к дяде Мише, задрав голову вверх и неотрывно глядя на него.

– Классно, мне здесь очень нравится. С самого детства.

– А сейчас ты уже стала взрослой? Такая милая барышня!

Дядя Миша улыбался, в уголках глаз играли смешинки. Арина чувствовала, что в его голосе сквозила ирония, но ей понравилось, что он назвал её милой, хотя «барышня» звучало как-то старомодно, будто она какая-нибудь Наташа Ростова на балу.

– Повзрослела, повзрослела, да и внешне изменилась, – сказала бабушка.

– Ну, я не барышня так-то, а девочка, но уже не маленькая. В общем, подросток. Не маленький ребёнок же я.

– Конечно, Ариша, ты не ребёнок. Ты отроковица по-церковному. Мальчиков называют отроками, а девочек – отроковицами.

Арине не очень нравилось, что они стали говорить о ней. Лучше бы об острове поговорили.

– Давайте пойдём уже. Все уж в гору поднялись, а мы тут на пристани стоим. Опоздаем.

– Никуда мы не опоздаем, наши места забронированы.

– Давайте, Арина Николаевна, я вам помогу.

– Не откажусь.

Дядя Миша легко поднял бабушкину сумку и быстрым шагом пошёл вверх по деревянным мосточкам. Бабушка засеменила следом. Арина надела свой рюкзак, обогнала бабушку и пристроилась следом за мужчиной. Она любовалась его широкой, пусть и слегка сутулой, спиной, крепкими руками с мощными бицепсами, длинными крепкими ногами.

Чуть ранее утром, когда она вспоминала про свою семью, женское царство, и уточняла, что мужчин рядом с ней не было, она имела в виду город Архангельск. Кий-остров был для неё совсем другой страной, почти за границей. Место, где она отдыхала. Дядя Миша тоже жил в Архангельске, но в городе они никогда не встречались и не обща-

лись. Поэтому всё было верно: в городе, в среде её общения, мужчин не было, а вот на острове – был. Самый-самый замечательный человек.

И теперь этот прекрасный человек шёл впереди Арины, а ей хотелось идти с ним рядом и держать за руку, но мосточки были узкими, и они не смогли бы поместиться. Бабушка тяжело дышала, поднимаясь в гору. Дядя Миша остановился наверху и подождал её.

– Больно уж вы быстры, Михаил Александрович! Совсем я запыхалась.

– Ничего страшного, Арина Николаевна, постоим, отдохнём.

Бабушка стояла, глубоко вздыхая, восстанавливала дыхание. Всё-таки ей шёл уже седьмой десяток. Хоть она и скрывала свой истинный возраст, но здоровье было уже не такое крепкое, сердце пошаливало. Она уже и из дома не так часто, как раньше, выходила. Жили они в пятиэтажном доме на четвёртом этаже, лифта, естественно, не было, чай не Питер и не Москва, чтобы в пятиэтажках лифт делать. Поэтому приходилось подниматься пешком, бабушка шла по узкой лестнице, отдыхая на каждом этаже.

Арине было жалко бабушку, но помочь она ничем не могла: от возраста лекарства не бывает.

– Всё, я отдохнула, пойдёмте дальше.

На этот раз дядя Миша пропустил её вперёд, Арина пристроилась рядом с ним. Они шли и разговаривали. Точнее, он спрашивал, а она отвечала: о школе, учёбе, ансамбле, маме. Дядя Миша был в курсе всей её жизни, она никогда ничего от него не утаивала. Он же был другом, хоть и взрослым. Настоящим другом, к которому можно было прийти и поделиться радостью, и он порадуетя вместе с тобой, прийти и высказать своё горе, и он не просто посочувствует, а примет деятельное участие в решении возникшей проблемы.

Как-то незаметно они подошли к административному корпусу дома отдыха «Кийский». Деревянное двухэтажное здание, выкрашенное в весёлый зелёный цвет, с частью элементов голубого цвета, в старые времена – до Великой Октябрьской революции 1917

года – было настоятельным домом и братским корпусом. Ибо на острове тогда размещался монастырь. В нынешнее время часть зданий была переоборудована под здания дома отдыха, а часть пустовала. Дополнительно были отстроены домики для отдыхающих. Жить в новых домиках считалось более престижно, да и удобнее, но, чтобы попасть в них, необходимо было покупать путёвки заранее. Именно так и сделала Арина Николаевна. Дядя Миша, кстати, тоже покупал путёвку заранее. Те, кто покупал путёвки в последний момент, обычно жили в менее комфортных условиях в старых зданиях.

Они вошли в здание, повернули направо и оказались в большой комнате. Там уже сидели музыканты и московская группа. Глеба Ивановича среди них не было, наверное, он решал организационные вопросы. Все разговаривали. Хоть комната и была большой, но стоял гул от разговоров. Дядя Миша поставил бабушкину сумку у окна. Арина сняла рюкзак и положила его рядом.

– Ну, я пойду, увидимся ещё. Куда вы с острова денетесь-то?

Бабушка улыбнулась, Арина радостно засмеялась. Действительно, остров был небольшой, всего шестьсот метров в ширину и около двух с половиной километров в длину, и шанс встретиться был очень велик.

– Конечно, идите, Михаил Александрович, спасибо вам большое за помощь.

– Пока, – мужчина улыбнулся Арине.

Девочка на какой-то миг прижалась к нему, слегка потёрлась головой об его грудь, вздохнула, оттолкнулась и помахала рукой.

– Бай-бай!

Дядя Миша помахал ей в ответ, повернулся и ушёл.

– Внимание, товарищи отдыхающие!

Все обратили внимание на зашедшую в комнату женщину.

– Сейчас вы идёте обедать в столовую. Там вас уже ждут. Всё накрыто. Вещи можно оставить здесь.

– Как так оставить? – возмутился Абаж.

– Их же могут украсть.

– Не беспокойтесь, у нас не принято воровать.

– Как это не беспокоиться? Здесь же ценные вещи.

– Документы и деньги возьмите с собой, а за остальным присмотрят.

– Не беспокойся, чувак, сколько ездим, никогда ничего не пропадало. Может, у тебя самого рыльце в пушку, что ты других подозреваешь? – со смешком, хлопнув Абажа по плечу, сказал руководитель музыкантов.

Все рассмеялись.

– Что вы себе позволяете? Что за фамильярность? Я не давал повода!

– Давал, давал повод. Хватит тут народ мутить. Пошли поедим, а то и вправду остынет всё, а холодное есть без водочки – в горло кусок не полезет. Пошли, бабушка!

Арина весело выскочила на улицу. Музыканты ей тоже нравились, была в них какая-то харизма, которая притягивала, и хотелось следовать за ними, смотреть на них и общаться.

Но музыканты ушли вперёд, Арине надо было дожидаться бабушку. Конечно, бабушка была взрослая и могла сама найти дорогу в столовую, но оставлять её в первый день всё-таки было совсем нехорошо.

Она тихонько шла рядом с бабушкой. Абаж убежал в числе первых, наверное, боялся, что ему не достанется. Алина усмехнулась. Столовая в доме отдыха, как говорила бабушка, ничуть не изменилась ещё с далёких советских времён. Столы накрывались заранее, каждому выдавалась определённая порция еды, выбирать ничего было нельзя, поэтому особых вариантов не было. Народ был честный, чужую порцию никто не трогал, разве что могли хлеб съесть, его клали на каждый стол в общую вазу, прикрытую белоснежной хлопковой салфеткой.

Так что Абаж зря беспокоился, порция бы ему всё равно досталась, разве что он сам на чужую порцию позарится.

Пока Арина размышляла, они уже поднялись на крыльцо и вошли в столовую. Помыли руки. Прошли по залу. Стены были обиты деревом. Светло-жёлтый цвет сосны приятно радовал глаз. Стол был накрыт в последнем зале, пришлось два раза повернуть.

Москвичи уже обедали, только ложки звонко стучали по тарелкам. Арина присела на свободное место рядом с бабушкой. Питание было тоже советским, незатейливым, но всё было очень вкусно приготовлено: винегрет, борщ, котлета с гречей и компот. Москвичи, привыкшие к изысканной кухне, чаще всего восточной типа роллов или западной типа пиццы, громко обсуждали меню.

«И чего возмущаются, – подумала Арина. – Если не нравится, не ели бы, прямо как дети в школьной столовой».

Лично ей местная кормёжка очень нравилась. Набегавшись по острову и накупавшись в море, она быстро сметала всё, что ей давали, иногда даже прихватывала часть порции у бабушки, у которой аппетит был не такой отменный.

Абаж, как всегда, кричал громче всех, но самое странное то, что съел он всё, что ему дали, и даже поинтересовался, дают ли здесь добавку.

«Лицемер, – подумала девочка. – Как можно вот так жить: говорить одно, а делать совсем противоположное? Вот дядя Миша всегда делает то, что говорит, он искренний и честный».

Арина отвернулась от москвичей и посмотрела в окно. Дядя Миша шёл через поляну. Набежавшее на неё раздражение сразу прошло, от сердца отлегло, она улыбнулась. Такой он был смешной: большой, немного неуклюжий, приветливый со всеми, улыбающийся. С ним было легко, уютно и спокойно.

Поели и дружной гурьбой все пошли обратно в административный корпус. Там Глеб Иванович, громко выкрикивая фамилии, выдал всем ключи и показал, где находятся корпуса.

– Внимание! Товарищи! Сейчас устраиваетесь, немного отдохните, а ровно в три часа мы ждём вас у административного корпуса на экскурсию. Все поняли?

Народ дружно сказал «Да!» и начал расходиться по корпусам.

Арина с бабушкой всегда жили в одном и том же корпусе на первом этаже. Домик

был двухэтажный, с большими верандами, на самом верху была мансарда. В этой мансарде, называемой курятником, было две комнаты, в одной из которых всегда жил дядя Миша.

Когда Арина с бабушкой подошли к корпусу, он как раз спускался вниз.

– Дядя Миша!

– Да, Арина!

– А пойдёте в три часа с нами на экскурсию?

– Я уже столько раз был на этой экскурсии.

– Арина, ты, если хочешь, иди, а я отдохну, – сказала бабушка.

– Ну, дядя Миша, пожалуйста! Вот видите, бабушка не идёт, а мне очень хочется пойти, а одной будет совсем неудобно. Люди все незнакомые.

Сразу вспомнился Абаж. Стоит ей только остаться одной, как он снова начнёт к ней подкатывать. Что он в ней нашёл? Прилипала.

– Даже не знаю.

Девочка прижалась к нему, посмотрела в его серые глаза, улыбнулась.

– Пожалуйста, я так хочу пойти вместе с вами.

– Уй, ты лиса такая, голос-то такой масляный, съешь ведь колобка-то!

– Вас не съем, вы мне нужны ещё. Кто со мной купаться будет? Кто будет рыбу ловить? Кто будет у костра петь? Кроме вас, никого нету!

– Лиса ты Патрикеевна!

Он чмокнул её в лоб. Она схватила бабушкину сумку и рванула в комнату. Обернулась у открытой двери.

– Так я жду вас в три часа у административного корпуса!

– Хорошо, уговорила.

Комната была тоже обита вагонкой светло-жёлтого цвета. Приятно пахло деревом и сосновой смолой. Из мебели имелось две кровати и две тумбочки. Шкафа не было.

Все вещи развешивались на стене. Арина быстро разобрала бабушкину сумку и свой рюкзак.

Бабушка всё это время ходила умываться. Вернулась свежая, довольная.

– Так хорошо умыться чистой дождевой водичкой. Пойди умойся тоже.

Арина взяла мыло, полотенце и пошла умываться. Подняла крышку, проверила, есть ли в раковине вода. Долила из ведра. Закрыла крышку. Сложила ладошки и приподняла шток*. Полилась вода. Когда налились полные ладошки, девочка ополоснула лицо. Шток опустился и перекрыл воду. Намылила руки и помыла. Снова подняла шток, сполоснула руки.

Остров представлял собой огромный камень в море. Скала была очень твёрдой породы. Сквозь неё никакая вода из-под земли не поступала. Единственный источник воды – накопившаяся во впадинах естественная влага: растаявший снег и дождь. Поэтому жители острова берегли воду и не расходовали её без лишней надобности.

Бабушка уже спала. Мощный храп разносился по комнате. Сидеть одной в комнате было скучно. Арина прикрыла дверь и выбежала на улицу. Пошла к административному корпусу. Около шахмат толпилось несколько человек.

Шахматы были достопримечательностью дома отдыха. Огромная квадратная деревянная пластина с нарисованными клеточками была очень толстой, как будто вырублена из цельного куска дерева, хотя при ближайшем рассмотрении было видно, что она состоит из отдельных толстых досок.

Сами фигуры тоже были деревянными, внушающих размеров. Даже пешки были высотой около десяти сантиметров, а ферзь и король в два раза выше.

С одной стороны светлыми фигурами цвета натурального дерева играл руководитель музыкальной группы, а с другой – невысокая худенькая-худенькая черноволосая девочка.

* Шток – стержень в раковине.

Когда она брала своими тоненькими пальчиками фигуру, то казалось, что никак не сможет её поднять. Но ничего подобного, девочка легко взяла тяжёлого ферзя с чёрной головкой и поставила его напротив белого короля.

– Шах!

Музыкант задумался. Все молчали. Некоторые шёпотом переговаривались, пытались найти выход из положения.

– А мы слоника пошлём наперерез.

Музыкант поставил слона между своим королём и неприятельским ферзём. Девочка тут же «съела» слона своим ферзём.

– Мат!

– Вот ведь засада!

Музыкант не мог сдержать досаду. Окинул взглядом доску, но не смог найти выхода из сложившейся ситуации. Смущаясь, протянул руку девочке.

– Ты такая молодчина! Поздравляю! У меня второй разряд по шахматам. А вот проиграл. Сколько тебе лет?

– А у меня первый! Мне 14 лет. Не расстраивайтесь, я с четырёх лет занимаюсь шахматами.

– Ну, тогда понятно, гроссмейстер!

Музыкант сконфуженно отошёл.

– Ну, кто ещё хочет сыграть?

Народ мотал головами и отходил. Арина осталась одна.

– Сыграем? – предложила девочка.

– Да я как-то плохо играю, по-любительски.

– Ничего страшного, я тебя учить буду.

– Хорошо.

Они расставили фигуры на свои места.

– Орёл – твои белые, если решка – твои чёрные. Идёт?

– Да.

Девочка подбросила монетку. Выпал орёл.

– Тебя как зовут?

– Арина. А тебя?

– Наира.

– Ты не русская?

– По паспорту русская, мама и бабушка светлоглазые и светловолосые, а я вот получилась темноволосой и кареглазой.

– Бывает.

Они начали играть. С Наирой было хорошо играть, если Арина не могла найти верный ход, то девочка подсказывала оптимальный вариант. Время шло быстро. Увидев москвичей у административного корпуса, Арина вспомнила про экскурсию.

– Я собираюсь на экскурсию. Пойдём вместе?

– Пошли.

Тут как раз подошёл дядя Миша. А она как-то в пылу шахматной борьбы совсем про него забыла.

– Ой, дядя Миша, а я Наиру с нами на экскурсию пригласила. Вы не будете против?

– Нет, я не буду против того, чтобы эта очаровательная черноволосая девочка с огромными красивыми глазами пошла с нами на экскурсию.

Арину передёрнуло от его ласкового, елеинного голоса.

«Меня дак никогда так не называл. Просто Ариша и всё. А тут такая уйма комплиментов. И кому? Девочке, которую он впервые увидел».

Мысли роились в голове, растекались, собирались в клубок, который сползал вниз и больно давил на сердце. Никогда ещё за свою жизнь Арина не испытывала боли в сердце.

– Чем занимались, девочки?

– В шахматы играли, – ответила Наира.

– Как интересно. Я тоже играю. В детстве занимался в шахматной секции.

Дальше они стали обсуждать шахматы, шахматно-шашечную детско-юношескую спортивную школу № 5 имени Я. Г. Карбасникова, в которой занималась Наира, тренера, шахматистов из Архангельска, из других городов и стран. В общем, они нашли друг друга.

А Арина осталась одна. Совсем одна. С болью в сердце, которая всё больше усиливалась. Кругом были люди, а она была одна.

– Ариша, Ариша! – девочка почувствовала прикосновение руки к плечу и откуда-то издали услышала голос дяди Миши: – Ты меня слышишь? Что случилось? Ты вся побледнела.

– Да так, ничего. Я задумалась.

Арина попыталась улыбнуться.

– Ты не пугай нас так.

«Ну вот, уже нас. Только познакомились, и уже "нас". Как будто они уже вместе и встречаются».

Мысли снова стали сжиматься в клубок и давить на сердце.

«Нет, так нельзя, надо отвлечься. Пусть болтают. Наболтаются, он потеряет к ней интерес и вернётся ко мне».

Светлая мысль размотала клубок, и сердцу сразу стало легче. Как спасение, раздался голос экскурсовода:

– Уважаемые товарищи! Простите – дамы и господа!

Все зашумели. Мнения разделились. Кому-то нравилось старое обращение, кому-то новое. Экскурсовод, полненькая, невысокого роста женщина средних лет, попыталась вернуть внимание к экскурсии.

– Простите. Уважаемые туристы! Начинаем экскурсию. Надеюсь, что все уже слышали название нашего острова?

– Да, Кий-остров!

– А как вы думаете, почему он так называется?

– Когда мы подъезжали, то видели выдающийся в море длинный мыс, похожий на бильярдный кий. Отсюда и название острова.

Абаз высоко поднял голову, расплылся в довольной улыбке, гордый собой.

– Верно, это одна из версий. Остров действительно узкий и вытянут в длину более чем на два километра. А мыс называется мыс Рога. Есть ещё версии? Нет? Тогда слушаем.

Экскурсовод набрала в рот воздуха.

– Все вы знаете, что на побережье Белого моря в древности проживали финно-угорские племена. Очень многие названия сохранились с того времени. Эти племена были идолопоклонниками. В их культуре большое внимание уделялось священным

камням. Культ священных камней неотделимо был связан с почитанием божества-громовника. Все помнят громовержца?

Экскурсовод обвела отдыхающих взглядом. Все внимательно слушали. Абаз держал в руках включённую видеокамеру.

– В финно-угорской мифологии место скандинавского Тора занимает Таара (саам. Тиермес), у карелов и финнов русского Севера называвшийся также Укко (эст. Уко), или Кыу, Эйке – персонификация грома и молнии. Основные атрибуты Укко-Кыу – молния, топор, меч и молот. Есть предположение, что название острова Кий происходит не только от «камня», но связано с языческим культом божества-громовника Укко-Кыу-Эйке-Тора. Косвенным подтверждением предположения о том, что некогда на острове мог существовать культ поклонения камню, можно, по-видимому, считать и тот факт, что в XIX веке в монастырской усыпальнице хранился большой, более сажени* в длину, камень, на котором первоначально был водружён первый крест патриарха Никона. На этом камне был поставлен деревянный гроб с ликом преподобного Иоанна Яренгского, в котором ранее хранились его мощи.

Экскурсовод показала рукой на храм.

– В то же время в славянских языках «кий» – палка, трость, посох, дубинка. Древние славяне изображали своих богов на деревянных столбах. Точных свидетельств, что на острове были древние капища** нет, но то, что это место чтилось славянами, это точно. На севере слово «кий» употребляется не только как «камень», но «каменный молот, или топор». Интересно, что в таком значении слово встречается уже в ранних русских памятниках – в Изборнике Святослава 1073 года, в Суздальской летописи 1216 года, где кий означает и молот кузнечный, и боевое оружие. Вид острова сверху напоминает каменный топор с ручкой.

* Сажень (сяжень, саженка, прямая сажень) – старорусская единица измерения расстояния = 2,16 м.

** Капище – древнеславянское слово, которым обозначается пространство языческого храма, расположенное за алтарём и предназначенное для установки капей (статуй, изображающих богов) или иных сакральных предметов.

– А ещё говорят, что будущий патриарх Никон в молодости потерпел крушение около острова и когда вышел на берег острова, то произнёс: «Кий сей остров?»

Арина посмотрела на дядю Мишу, именно он произнёс эту фразу.

– Совершенно верно, есть такая версия. Расцвет в освоении острова связан именно с Никоном. В 1639 году у иеромонаха Анзерского скита Соловецкого монастыря Никона вышел конфликт с основателем скита преподобным Елеазаром. Иеромонах решает покинуть обитель и на утлом судёнышке отправляется по Белому морю. В устье Онежской губы его застигает буря. Спасшись у берега острова Кий, Никон в ознаменование спасения водружает на нём деревянный крест. Через несколько лет, будучи уже новгородским владыкой, он вновь отправляется на Соловки за мощами святителя Филиппа. Проплывая мимо Кий-острова и увидев сохранившийся поклонный крест, Никон возобновляет обет о постройке монастыря, посвящённого Святому Кресту. Он обращается к царю Алексею Михайловичу с прошением. 13 июня 1656 года монастырь был официально основан по грамоте царя. Для сбора средств на строительство монастыря Никон обратился к народу. Была собрана огромная для того времени сумма – около 6000 рублей. Строительством первых сооружений на острове с 1656 по 1659 годы руководили старцы Нифонт Терebinский и Исаия, а также стольник Василий Парамонович Поскочин – доверенные лица Никона.

Экскурсовод повернулась к храму.

– В 1660 году Никон сам приезжает на Кий-остров и живёт здесь, руководя строительством, почти весь год. 2 сентября 1660 года он лично освящает центральный Крестовоздвиженский собор монастыря. А теперь пройдёмте в собор.

Все прошли в храм. Там было прохладно.

– А иконостас древний? – спросил дядя Миша.

– Нет, иконостас восстановлен недавно. В древности основу иконостаса составляла наиболее почитаемая реликвия монастыря – «Кийский крест», изготовленный по заказу Никона кипарисовый крест, который был точной копией Креста Распятия, и содержащий во внутренних ковчежцах до 300 различных святынь. На Кресте находились также 104 серебряные пластины с гравированными изображениями святых, чьи мощи сокрыты под ними.

Абаз увидел большой крест и воскликнул:

– Смотрите, вот это святой крест.

Он упал ниц перед крестом.

– Нет, это восстановленная в наше время копия. Ныне Кийский крест находится в Москве, в храме Сергия Радонежского в Крапивниках.

Абаз быстро вскочил и стал стряхивать строительную пыль с коленок.

– Но в нашем кресте тоже имеются святыни. Крест освящён. В храме проходят богослужения. Так что помолиться здесь можно.

Наира подошла к Арине.

– Пойдём, посмотрим храм.

Собор был огромный. В центре возвышался мощный столп.

– Смотри, там лесенка.

Арина показала пальцем. Вдвоём они поднялись на хоры. Внизу были видны туристы.

Около креста Арина увидела знакомую фигуру. Дядя Миша стоял по стойке смирно. Губы его шевелились, но слов не было слышно. Иногда он осенял себя крестным знаменем. Движения были неспешными, солидными.

Арине стало стыдно за вспышку гнева, который её обуял у административного корпуса.

– Прости меня, Господи! – Она троекратно перекрестилась. – Прости меня, дядя Миша. Я сама не знаю, что на меня нашло.

(Продолжение следует)